

УДК 821.162.1 (092 З. Налковская)

Взрослые и дети в нацистских лагерях смерти
(по одноименному рассказу «Взрослые и дети в Освенциме»
из сборника рассказов З. Налковской «Медальоны»)

Ю.С. ФИРАГО

Рассматриваются условия существования взрослых и детей в нацистских лагерях смерти. Делается акцент на механизме фашизма в действии, а также на уничтожении личности, духовном и физическом. На фоне концлагерей показан героизм жертв фашистов, проявляющийся в сохранении человеческого достоинства. На примере детей-узников изображена проблема искалеченного детства и влияние фашистской идеологии на психику ребенка.

Ключевые слова: Фашизм, дети, взрослые, узники, Вторая мировая война, концлагерь.

Living conditions of adults and children in nazi death camps are considered in the article. The emphasis is made on the fascism mechanism in operation, and also on spiritual and physical destruction of a person. Against the background of the concentration camps the heroism of victims of the fascists, appeared in maintenance of human dignity is shown. On the example of children-prisoners the problem of the crippled childhood and influence of fascist ideology on mentality of a child is represented.

Keywords: Fascism, children, adults, prisoners, the Second World War, concentration camp.

Введение. Сборник рассказов «Медальоны» З. Налковской является предметом исследования отечественных литературоведов (С. Мусиенко), а также зарубежных ученых (В. Хорев, А. Кирхнер, Б. Рогатко, Т. Лошакова и др.). Произведение до сих пор продолжает вызывать интерес широкой аудитории, о чем свидетельствует его перевод на многие языки мира, в том числе и эсперанто. В вопросах изучения жанровых, стилевых и художественных особенностей сделано немало. Тем не менее, проблема существования взрослых и детей в концлагерях, которая нашла свое отражение в заключительном рассказе – «Взрослые и дети в Освенциме» требует более детального рассмотрения.

Цель статьи – анализ «трагических будней» взрослых и детей в концлагере Освенцим.

Сборник рассказов «Медальоны» З. Налковской был написан в 1946 г. и создавался на основе трагического опыта, который писательница приобрела, живя в оккупированной Польше, а позднее – во время службы в Комиссии по расследованию фашистских преступлений. Обследуя бывшие концлагеря, беседуя с их недавними узниками, З. Налковская сталкивалась с чудовищными фактами концлагерной жизни. Впечатления от пережитой людьми трагедии легли в основу принципиально нового типа произведений: «документа, написанного в манере репортажа» [1, с. 115].

Писательница принесла в литературу собственный трагический опыт военных событий (об этом свидетельствует ее «Дневник периода войны»), однако в «Медальонах» «мастер утонченного психологического рисунка» отказывается от анализа окружающей действительности, взяв за основу повествования свидетельства узников концлагерей. «Медальоны» отличается сдержанный объективный тон повествования, как бы основанный на древнем эпическом принципе – «без гнева и пристрастия» [2, с. 96]. Автор с протокольной точностью фиксирует факты преступлений, практически не давая оценок происходящему. Тем не менее, З. Налковская является не столько активным слушателем, сколько наблюдателем и комментатором событий, который подверг серьезному анализу душевное состояние людей, попавших в «нечеловеческие условия». «Медальоны» отличает строгая фактографичность и скрупулезность в освещении событий и судеб. Вместе с этим в произведении присутствуют яркие признаки эстетической организации материала, который полностью «взят из жизни».

«Медальоны» состоят из восьми небольших новелл – «Профессор Шпаннер», «На кладбище», «Дно», «У железнодорожной насыпи», «Двойра Зеленая», «Виза», «У человек сил

много», «Взрослые и дети в Освенциме». Все новеллы абсолютно разные, как по содержанию, так и по поставленным проблемам. Тем не менее, во всех восьми рассказах писательница воплотила единый идейный замысел – показала сохранение человеком высоких моральных качеств в нечеловеческих условиях войны.

Авторская концепция отношения к человеку в условиях фашизма раскрывается в эпиграфе «Люди людям уготовили эту судьбу», которым открывается сборник «Медальоны» З. Налковской. Вот, что об этом говорит С. Мусиенко: «Эпиграф к «Медальонам» «Люди людям уготовили эту судьбу» позволил классифицировать общество по этическому принципу: жертвы и палачи, люди и нелюди... Безграничности страданий, которые с достоинством переносят жертвы, противопоставляется бездушный прагматизм фашистов» [3, с. 136]. Концептуальное значение эпиграфа раскрывается в соотнесенности с содержанием каждого рассказа, однако дословно он воспроизводится в последнем – «Взрослые и дети в Освенциме». Здесь, как в предыдущих новеллах, З. Налковская утверждает мысль об ответственности каждого человека за неутешительные последствия Второй мировой войны. По-новому в рассказе звучит проблема разобщенности людей, которая, по мнению писательницы, кроется в их сознании. Она не скрывает ненависти к тем, «кто своими руками осуществлял этот икусный план грабежа и убийств». [4, с. 456]. Мысль о вине всего человечества за совершенные преступления в рассказе «Взрослые и дети в Освенциме» реализуется с максимальным эффектом. З. Налковская приходит к неутешительному выводу: в ситуации нравственного выбора между любовью и искренностью человеческих чувств, с одной стороны, и жестокостью, предательством, с другой, не все смогли остаться людьми. Как отмечает Т. Лошакова, «своим произведением писатель утверждает, что жертвой жесточайшего социального эксперимента стали не только узники, но и те, кто был вынужден сосуществовать, приспособляться к действительности, в которой «смерть обыкновенная, единичная по сравнению с этой всеобщей кажется чем-то неуместным» [5, с. 127].

Рассказ «Взрослые и дети в Освенциме» отличается от остальных новелл не только показом суровой действительности концлагерей, но и демонстрацией самого страшного явления в цивилизованной стране – уничтожением детей. Уже в названии заключается общая для всего цикла проблема – жизнь взрослых и детей в условиях концентрационных лагерей смерти. Механизм фашизма в действии и уничтожение личности являются ядром концепта и определяют идейно-тематическое наполнение произведения.

Основная тема рассказа – человек вне человеческого, жизнь, превращенная в кошмар. З. Налковская не выносит приговоров ни одному из своих персонажей, но показывает бесчеловечность «деятельности» фашистов, которым на земле не должно быть места, потому что на ней живут люди. Она намеренно не подвергает оценке представленное, используя прием отстранения, открытый финал. Позиция писательницы по отношению к описываемым событиям бесстрастна и объективна. Тем не менее, за бесстрастностью скрывается великая боль за человека, который принял «как неизбежное противоестественные вещи: издевательства, состояние отчужденности, одиночества, страха, насильственную смерть» [6]. В произведении З. Налковская выступает не как писатель, а как потрясенный участник «Комиссии по расследованию фашистских преступлений». Писательница говорит от имени жертв и непосредственных свидетелей трагедии, а также осуждает фашизм как активный общественный деятель, целью которого было рассказать миру, какой на самом деле была жизнь за колючей проволокой.

«Взрослые и дети в Освенциме» – единственный рассказ, в котором, представляя образ людей-«живодеров из Освенцима», писательница использует слово, имеющее негативную экспрессивную оценку. На фоне нравственной деградации исполнителей фашистской идеологии писательница показывает жизнь человека-узника. В рассказе крайняя жестокость соседствует с эпизодами, свидетельствующими о стойкости духа тех, «кто, вопреки всему, выжил в мире, обрекавшем на нечеловеческие мучения и смерть» [7, с. 135].

Если речь идет об узниках, то в произведении нет деления героев на главных и эпизодичных (второстепенных). Внимание автора в рассказе сконцентрировано на двух категориях персонажей: на жертвах обстоятельств, «поднявшихся до уровня героев своими страданиями, и ученых, деятелях культуры, которыми вправе гордиться любая нация» [4, с. 176] и на мигрантах,

эволюционирующих от человечности к безразличию, а затем к бесчеловечности. Рассказ является единственным из всего цикла, в котором писательница поднимает проблему масштабного использования труда и жизни детей для нужд немецкого фронта и науки. С первых страниц рассказа З. Налковская обнажает факты относительно принципов действия лагерного механизма и его влияния на сознание узников. Бесстрастно, скупое и без эмоций она подводит итог страшной экспериментальной системы лагерей смерти – духовное и физическое уничтожение личности.

«За несколько лет сожгли и удушили газом бесчисленное количество людей, и все это было проделано «на научной основе», четко, методично, планомерно. Впрочем, методы уничтожения, в зависимости от вкусов и склонностей того или иного убийцы, могли быть любыми» [8, с. 477].

Несмотря на то, что в название рассказа писательница вынесла только один лагерь – Освенцим, она, безусловно, знала и о других подобных местах, где целенаправленно уничтожались люди. «Кроме Майданека, Освенцима, Бжезинок, Треблинки, мы понемногу открываем и новые названия, пока что менее известные. Нередко лагеря были расположены в лесу или среди зеленых холмов, в стороне от железной дороги. Тут, видно, все совершалось еще проще, методы убийства становились еще рациональнее и дешевле. Так совсем недавно в Тушинке и Венчине под Лодзью обнаружили настоящие залежи мертвецов» [8, с. 478]. Концлагеря выполняли определенные функции, главные из которых З. Налковская определила следующим образом: уничтожение (истребление «ненужных людей»); вселение страха в души миллионов людей; предоставление людей в качестве рабов в немецкие семьи, а также на гитлеровские фабрики и заводы. Человек для фашистов утратил ценность как личность, представляя собой «живую» вещь; расправы над заключёнными сопровождалась пытками и носили особо мучительный, садистский характер; в мир «ненужных вещей» ушло целое поколение людей.

Изобретением пыток занимались не безграмотные «повара и парикмахеры», а высокообразованные чиновники, многие из которых прекрасно разбирались в литературе, живописи, музыке.

Из показаний депутата Майера вырисовываются чудовищные издевательства представителей фашистской идеологии над людьми:

«... намечал себе жертвы заранее. Всего несколькими искусными ударами он отбивал людям почки так, что даже следов от побоев не было заметно, но через два-три дня наступала смерть.

Другой убийца предпочитал иной способ – он наступал сапогом человеку на горло с такой силой, что под тяжестью сапога хрустела гортань.

Третий окунал заключенного в чан с водой, и несчастный умирал, захлебнувшись.

... Тех, у кого была не в порядке одежда или обувь, он убивал несколькими ударами резиновой дубинки со свинцовым наконечником. Он строго следил за тем, чтобы на его счету ежедневно было не менее пятнадцати убитых.

... Ежедневно перед завтраком душил нескольких заключенных. Жертвы он облюбовывал заблаговременно, во время утренней прогулки». [8, с. 476].

Издевательства и пытки над людьми дополнились так называемыми «медицинскими» опытами. С этой целью были созданы специальные курсы, на которых предусматривалось обучение «практическим приемам садистской жестокости». Представители гитлеровской партии с каждым днем совершенствовали свои знания в области человекоубийства.

«Пепел от костей шел на удобрение, жир – на мыло, кожа – на изготовление кожаных изделий, человеческие волосы – на матрацы, но все это было лишь побочным продуктом огромного государственного предприятия, в течение многих лет приносившего неисчислимую прибыль» [8, с. 475]. Кроме практической и теоретической сторон издевательства над людьми, которые З. Налковская выделила в лагерной системе, целесообразно отметить еще одну – нравственную, подразумевающую деформацию человеческой личности. Лагеря были идеологическими учреждениями. Помимо травматизации (пыток, побоев, издевательства), примеры которой изобразила в рассказе писательница, можно говорить о том, что представители нацистской идеологии прикладывали все усилия для того чтобы подавить в узниках индивидуальность и разрушить их способность верить в будущее. «Зверью в мундирах» писательница отказывала в праве называться людьми.

З. Налковскую восхищали «жертвы» концлагерей – люди, которые в нечеловеческих условиях сумели сохранить достоинство, смелость, сопротивляемость злу и готовность, рискуя собственной жизнью, помогать друг другу. В рассказе писательница доказала, что люди, несмотря на ежедневную травлю, нашли в себе силы противостоять системе, а потому имеют право называться героями. В данном случае трудно не согласиться со словами С. Мусиенко о том, что «героизмом было в нечеловеческих условиях остаться человеком, сохранить достоинство и высокие нравственные качества, но эти люди не считали себя героями, даже упрекали себя в том, что чего-то не запомнили или не сделали» [4, с. 177].

Первым в галерее положительных персонажей предстает профессор Будапештского университета доктор Мансфельд. После его слов З. Налковская делает вывод о том, что людям помогло выжить человеческое братство, а не отчаяние, а также готовность помогать друг другу в трудные минуты.

«Эти люди ставили перед собой задачу помогать другим, хотя сами каждый день глядели в глаза смерти и наравне с остальными заключенными прошли через все виды мучений. Очень много для спасения своих собратьев сделали врачи из заключенных, знания которых оказались нужными и в лагере» [8, с. 486]. Узники всячески оказывали сопротивление системе. Пускай без автомата в руках, а своими благородными поступками и жизненными убеждениями, желание жить были сильнее всякого рода оружия.

На примере образов докторов Мансфельда, Фишера, Грабчиньского и депутата Майера писательница показала, что любое противодействие целям нацистов: стремление вести нормальный образ жизни, сохранять в себе человеческие качества и человеческое поведение по отношению к другим людям, было героическим сопротивлением злу и насилию.

Тем временем великолепно отлаженная гитлеровская машина уничтожения людей продолжала перемалывать всех с одинаковой аккуратностью и беспощадностью: стариков, женщин, малышей. Не обошла мучительная участь испытать все виды мучений фашистскими «экспериментаторами» и детей. В рассказе «Взрослые и дети в Освенциме» они представляют самую незащищенную и драматическую категорию персонажей. З. Налковская умышленно не называет имена своих маленьких героев, дабы показать массовость фашистских злодеяний – сотни тысяч малышей оказались в концентрационных лагерях и в гетто, где ежеминутно подвергались зверским издевательствам.

Писательница рассказывает о детях начала со следующих слов: «Дети в Освенциме знали, что должны умереть» [8, с. 486]. Слово «должны» в данном контексте, кроме ужаса, вызывает, пожалуй, только удивление. Автор показывает противоестественность ситуации: дети, которые только начинают жить, принимают смерть как неизбежное явление. Они наравне с взрослыми хлебнули горя полной чашей, слишком большой для маленького человека, ведь начало войны совпало для них с взрослением. Изобразив гибель как привычное для маленьких узников состояние (на их глазах осуществлялся целый ряд «карательных операций»), З. Налковская показывает их превращение в жертв системы.

Даже расправы над маленькими заключенными сопровождалась жестокими пытками и носили особо мучительный, садистский характер. Для выявления и уничтожения ослабевших узников проводилась регулярная «фильтрация». З. Налковская представила чудовищные примеры того, как ребятишек прогоняли через «линеечки, планки, которые устанавливались на определенной высоте. Дети, чтобы уберечься от смерти, вставали на носочки, дотягиваясь до планки жизни. Один метр двадцать сантиметров был жизненным минимумом. Всех, кто был меньше его, сжигали в крематориях.

«В газовые камеры посылали самых маленьких, еще не пригодных для работы. Во время селекции дети по очереди становились под металлическую линейку, укрепленную на высоте одного метра двадцати сантиметров от земли. Понимая важность минуты, малыши, приближаясь к линейке, выпрямлялись, поднимались на цыпочки, чтобы коснуться головой линейки и тем самым спасти себе жизнь» [8, с. 487].

Детишки быстро привыкали ко всему. Они играли в игры их жизни. В забавах маленьких узников было то, что они видели в окружавшем их страшном мире взрослых. Это был мир, в котором из людей делали мыло, из девичьих кос матрацы, мир, который ни с чем нельзя было сравнить. Для большинства малышей, попавших в концлагерь, селекция для газовых камер и смерть были обыденными явлениями, поскольку нормальной жизни им так и не довелось уви-

дети. В своих играх дети полностью копируют мир взрослых, который разделен для них на «своих» и «врагов», и обе стороны друг к другу беспощадны. Преступная идеология нашла свое отражение в детском сознании. З. Налковская подчеркивает, что такое понятие, как антисемитизм для ребенка было привычным явлением.

Сильнейшее чувство потрясения возникает от эпизода детской игры, которым З. Налковская заканчивает свой рассказ. Малыши, которые сидели в песке и передвигали какие-то щепки, на вопрос профессора Эпштейна «Во что вы играете, дети» спокойно ответили: «Мы сжигаем евреев» [8, с. 486]. В данном случае З. Налковская показала ужасы порабощения одного народа другим через призму детской психологии, представила бессмысленность поступков, совершаемых членами фашистской идеологии ради незыблемой системы и слепого патриотизма. Автор сделала акцент на заостренности фашистских умов, угнетающих евреев, и на том, как искусно подменяется детская невинная жизнь внушаемыми страной ценностями, превращающими ребенка в безжалостное существо. Беспочвенная ненависть и презрение, внушенные детям, мешают увидеть в евреях человека, а не раба. Идеология расовой ненависти становится причиной воцарения в мире тоталитарного режима. С раннего детства ребенок находился во власти национальных, религиозных и классовых предубеждений, что повлекло за собой ненависть к себе подобным.

На примере детских жизней автор показала последнюю черту жестокости фашистов – изуродованное и искалеченное детство. Становится непонятно, как страна, давшая миру Гете и Бетховена, не только развязала Вторую мировую войну, но и стала использовать средневековые издевательства над людьми, а также посягнула на самое святое – детские жизни.

Заключение. Представляя бесчеловечную реальность концлагерей, З. Налковская показывает героизм жертв фашистов, заключающийся в том, что в нечеловеческих условиях они сохранили свое достоинство. Рассказ «Взрослые и дети в Освенциме» является единственным из всего цикла сборника «Медальоны», где представлены «трагические будни» пребывания детей в концлагере Освенцим. Пропуском ребенка «в жизнь» был рост выше ста двадцати сантиметров, в противном случае его отправляли в крематорий. На примере детских образов автор изобразила проблему искалеченного детства и влияние фашистской идеологии на психику ребенка.

Литература

1. Bobryk, A. Charakter narodowy w obliczu okrucieństw wojny na przykładzie «Medalonów» Zofii Nałkowskiej / A. Bobryk // Творчасць Зоф'і Налкоўскай і славянскія культуры : матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 17–18 мая, 2004. / Гродненскі дзярж. ўн-т ; пад рэд. С.П. Мусіенкі. – Гродна, 2005. – 403 с.
2. Хорев, В.А. История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны / В.А. Хорев. – Москва : «Индрик», 1995. – Т. 1. – 694 с.
3. Мусіенка, С.П. Тэма Другой сусветнай вайны ў польскай і беларускай мемуарнай літаратуры (на прыкладзе зборнікаў З. Налкоўскай «Медальёны» і С. Алексеевіч «У вайны не жаночы твар») / С.П. Мусіенка // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай : матэрыялы IX Міжнароднай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю філалагічнага факультэта БДУ, Мінск, 15–17 кастрычніка, 2009 г. / Беларускі дзярж. ун-т ; пад рэд. В.П. Рагойшы. Мінск, 2010. – Ч. 1. – 293 с.
4. Мусіенка, С. Творчасць Зоф'і Налковскай / С. Мусіенка ; под ред. В. Хорева. – Минск : «Наука и техника», 1989. – 203 с.
5. Лошакова, Т. Экзистенциальная проблематика «Медальонов» З. Налковской / Т. Лошакова // Творчасць Зоф'і Налкоўскай і славянскія культуры : матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 17–18 мая, 2004. / Гродненскі дзярж. ўн-т ; пад рэд. С.П. Мусіенкі. – Гродна, 2005. – 403 с.
6. Лошакова, Т. К вопросу о рецепции экзистенциализма в польской литературе 1940–1960-х гг. / Т. Лошакова [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_8-1_26.pdf. – Дата доступа : 09.05.2014
7. Гарданова, Л. «Медальоны» Зоф'і Налковскай и «Каменный мир» Тадеуша Боровского (сравнительно-сопоставительный аспект) / Л. Гарданова // Творчасць Зоф'і Налкоўскай і славянскія культуры : матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 17–18 мая, 2004. / Гродненскі дзярж. ўн-т ; пад рэд. С.П. Мусіенкі. – Гродна, 2005. – 403 с.
8. Налковская, З. Избранное / З. Налковская. – М : «Художественная литература», 1979. – 487 с.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 13.10.2014

РЕПОЗИТОРИЙ ГОМЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Ф. СКОРИНЫ